

Церемониальная шпага Наполеона Бонапарта из собрания Государственного Эрмитажа: судьба и символика

Эпиграфом для данной статьи могло бы послужить известное высказывание Наполеона: «Я нашел корону Франции на земле и поднял ее концом своей шпаги». Эту историческую фразу он произнес при подготовке собственной коронации, комментируя свое намерение возложить на себя корону самому, а не принимать ее из рук папы римского. В помпезной церемонии 2 декабря 1804 г., насквозь проникнутой только что сконструированной символикой новой империи, метафора шпаги была в каком-то смысле материализована включением в одеяние императора атрибута военного вождя – клинка на левом боку, так называемого «*glaive de dignitaire*» (церемониального меча).

Шпага, которая была с Бонапартом во время коронации, с репортажной точностью зафиксированная работавшим на торжестве Ж.-Л. Давидом с помощниками, зримо отличалась от тех образцов холодного оружия, что сопутствовали императору на его позднейших портретах в полном облачении, и не стала частью его парадного канонического изображения. Ее судьба сложилась иначе, чем у большинства из многочисленных личных шпаг и сабель Наполеона. Коронационная шпага сравнительно рано покинула первого владельца, ее нет среди оружия, находившегося при нем на момент отречения от престола, сопровождавшего в ссылке, перечисленного в завещании. Ее следы удаётся отыскать в коллекции Арсенала Государственного Эрмитажа (см. вкладку, рис. 20)¹.

Провенантные данные хранящейся там французской церемониальной шпаги начала XIX в., ее полное внешнее соответствие облику шпаги, запечатленной на полотне Ж.-Л. Давида, а также характерные эмблематические мотивы в декоративном оформлении позволяют указать на нее как на искомую историческую реликвию Наполеона I. Представляя интерес как произведение оружейного искусства и вместе с тем как предмет, обладающий мемориальным значением, эта шпага примечательна еще и как показательный источник по ранней эмблематике наполеоновской империи.

¹ Инв. № 30–7100. Опубликовано: Зайченко М.Г. Собрание оружия герцогов Лейхтенбергских в Эрмитаже. Русские потомки французской императрицы. Герцоги Лейхтенбергские в Петербурге. – СПб., 2011. – С. 68–71; кат. № 63.

© Яровая Е.А., текст, 2012.

© Зайченко М.Г., текст, 2012.

© Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург, иллюстрации, 2012.

Если украшенный в верхней части золотой инкрустацией по вороненому фону четырехгранный клинок шпаги является обычным для такого рода предметов, то эфес несет новый для своего времени синтетический образ. Его детали отлиты из золота: крестовина в виде двух орлов с распростертыми крыльями, навершию придан вид двухсторонней львиной головы (см. вкладку, рис. 21). На устье перламутровых ножен с золотыми чеканными накладками имеется гравировка «Manufacture a Versailles entrepr. se Boutet.» (см. вкладку, рис. 22), что позволяет отнести шпагу к изделиям действовавшей с 1793 г. в Версале оружейной мануфактуры, инспектором, а с 1800 г. директором которой являлся Н.-Н. Буте (1761–1833). Это было крупное предприятие, обслуживавшее заказы правительства по массовому выпуску огнестрельного и холодного оружия для войск, но располагавшее, кроме того, и специальным отделением по производству богато декорированного церемониального и подарочного оружия².

В Эрмитаж шпага поступила в 1919 г. в составе коллекции герцога Николая Николаевича Лейхтенбергского, прямого потомка Евгения Богарне – пасынка Наполеона, сына императрицы Жозефины. В 1805 г. он стал вице-королем Италии при Наполеоне, а с 1807 г. – наследником итальянского трона. Между тем именно из Италии происходит второе известное изображение интересующей нас шпаги. Она среди прочих атрибутов присутствует на парадном портрете Наполеона (см. вкладку, рис. 23) как короля Италии работы Андреа Аппиани (1754–1817) – придворного живописца итальянского двора Наполеона, лично присутствовавшего в марте 1805 г. на коронации Бонапарта в Милане. Приняв титул, Бонапарт оставил итальянцам вместо себя любимого пасынка. Видимо, тогда же в Италии осталась и шпага, которую изобразил Аппиани (см. вкладку, рис. 24).

После краха империи Богарне получил княжество от баварского короля, своего тестя, и стал основателем дома герцогов Лейхтенбергских. Его сын Максимилиан-Евгений-Иосиф-Наполеон (1817–1852) в 1839 г. вступив в брак с любимой дочерью Николая I Марией (1819–1876), перебрался в Россию и привез с собой множество фамильных реликвий.

В 1845–1862 гг. артефакты, связанные как с родом Богарне, так и с Бонапартом, в том числе документы, живопись, мебель, предметы прикладного искусства, оружие, хранились в резиденции Лейхтенбергских – Мариинском дворце. Возможно, впоследствии собрание оружия, в котором, по данным биографа Лейхтенбергских З.И. Беляковой, «некоторые экземпляры принадлежали принцу Богарне и Наполеону»,³ покидало Россию, поскольку в 1862 г. за

² La Manufacture d'armes de Versailles et Nicolas-Noël Boutet. – Paris, 1993.

³ Белякова З.И. Честь и верность. Российские герцоги Лейхтенбергские. – СПб., 2010. – С. 21, 31.

границу уехала овдовевшая герцогиня Мария Николаевна, а в 1871 г. – ее сын Николай Максимилианович (1843–1890). Многочисленные художественные ценности, преимущественно связанные, однако, с собственной собирательской деятельностью Марии Николаевны, находились затем на вилле Кварто во Флоренции, где поселилась их владелица. Отметим, что близость Лейхтенбергских к личности Наполеона нашла, по-видимому, воплощение и в выборе данной резиденции, поскольку вилла некогда принадлежала младшему брату Наполеона Жерому, королю вестфальскому. Часть художественных сокровищ Лейхтенбергских всю вторую половину XIX в. оставалась в России, в том числе предметы, обладавшие мемориальным значением. Парадные портреты из наполеоновского цикла А. Аппиани, на одном из которых Бонапарт был представлен в образе итальянского короля, а на другом восседал на троне в окружении аллегорических фигур, экспонировались в 1884 г. в Академии художеств на выставке коллекции герцога Н.М. Лейхтенбергского⁴.

Сын Николая Максимилиановича Николай в 1891 г. вернулся в Россию на постоянное жительство, привезя с собой собрание французских картин и коллекцию оружия. В феврале 1919 г. из бывшей петербургской квартиры герцога было конфисковано более 700 предметов, имевших художественную ценность, среди них – 45 экземпляров оружия. Сам герцог Лейхтенбергский с семьей уже находился за пределами страны. Его поверенный Л.Г. Васильченко удостоверил для отдела по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины список конфискованных вещей. Ныне этот перечень хранится в архиве Государственного Эрмитажа⁵. Под № 12 в нем значится предмет, описание которого полностью соответствует и шпаге, хранящейся в Арсенале, и иконографическим свидетельствам Ж.-Л. Давида и А. Аппиани: «Шпага. Эфес из ляпис-лазури, наверху 2 головки льва, внизу два чеканных орла. Ножны перламутровые с ажурным золоченым орнаментом и барельефами»⁶. Таким образом, шпага, возможно, еще раз побывавшая за границей, к этому времени опять оказалась в России – на сей раз окончательно.

Система декоративных элементов, примененных при изготовлении шпаги из эрмитажного Арсенала, является, по сути, синтезированной репликой на бурное творчество в области монархического антуража, летом предкоронационного 1804 года охватившее придворные и административные сферы Парижа. Бонапарт отказался стать королем и возрождать эстетику прежней династии, считая, что «титул короля изношен, он несет в себе готовые идеи, он сделал бы

⁴ Каталог картинной галереи Его Императорского Высочества герцога Н.М. Лейхтенбергского, выставленной в залах Императорской Академии художеств. – СПб., 1884. – С. 39, 46.

⁵ Архив Государственного Эрмитажа. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 557. – Л. 1.

⁶ Там же. – Л. 4–4 об.

из меня нечто вроде наследника, а я не желаю быть ничьим наследником. Титул, который я ношу, более велик. Он еще несколько неопределенен, но служит воображению»⁷. Чтобы направить воображение подданных в нужное русло, разрабатывались оригинальная обрядность, этикетки, геральдика, эмблематика. Памятником определенному периоду этих поисков служит шпага из собрания Лейхтенбергских.

Лазурный цвет ее рукояти является отсылкой к одному из основных цветов нового герба. Количество золотых звезд на рукояти – их 16 – позволяет вспомнить о первоначально планировавшейся структуре ордена Почетного легиона, жизнь которого де-факто началась в июле того же 1804 г.: кавалеры *Légion d'honneur* должны были составлять 16 когорт и распределяться по такому же количеству орденских округов на территории Франции. Однако главные мотивы новой имперской эмблематики, причем еще не вполне устоявшейся, усматриваются в изображениях львов, орлов и золотых пчел, что увязывает создание церемониальной шпаги с одним из главных споров лета 1804 г. в области новой символики – вопросом об анималистических эмблемах новой государственности.

Дискуссия о символах развернулась 12 июня на заседании Государственного совета. Главные идеологи Дюрок, Лебрен, Ломон, Камбасерес, Крюте и Сегюр предложили императору в качестве вариантов эмблем для нового герба представителей фауны, издавна символизирующих власть и могущество: льва, слона, орла. Из объектов флоры выдвигался дуб как эмблема силы и нерушимости. Иные настаивали на традиционно французских эмблемах – галльском петухе и флер-де-лизе (лилиях). При этом полярность предложенных вариантов не смущала – галльский петух известен как фольклорный образ и в то же время как образ республики, а флер-де-лизы – родовая инсигния королевской династии Бурбонов, свергнутой революцией.

Ж.-Ж.-Р. Камбасерес, один из ближайших советников императора, предложил символ пчелы как наиболее многозначный и богатый смыслами. Пчела с древности считалась символом трудолюбия, но вместе с тем олицетворяла идею власти и господства, поскольку пчелиная матка ассоциировалась с королем. Такую эмблему можно было прочесть и как указание на личные качества императора, достигшего величия собственным трудом, и как республиканский мотив (пчела – существо социальное), и даже как дань историческим традициям. Последний момент приобрел необычайную актуальность для формировавшейся идеологии новой империи.

Самой модной французской идеологемой этого времени было утверждение преемственности между государствами Наполеона и Карла Великого, объявляе-

⁷ Мемуары госпожи Ремюза. – М., 2011. – С. 192.

ние Бонапарта не наследником Бурбонов, а, впервые за тысячу лет, «императором Запада». С Карлом Наполеона сравнивали в публичных речах: «Вы, подобно Карлу Великому, определили победами своими древние и естественные границы Франции; подобно ему приобретете Вы распоряжения вашими достославное название восстановителя Французского государства»⁸. Внешнеполитический курс страны понимался как стремление в европейском масштабе «восстановить великие феоды и воскресить Карла Великого»⁹. Крупным пропагандистским событием лета 1804 г. оказались пышные торжества в Ахене, на месте погребения Карла, в присутствии императорского двора. Применительно к имперской символике дополнительные возможности для визуализации темы возвращения к древнему франкскому первообразу давал именно предложенный Камбасересом образ пчелы.

Пчела, или, точнее, цикада, символ бессмертия и возрождения, была известна как один из популярных франкских декоративных мотивов. Фибулы в виде этих насекомых в изобилии присутствовали, например, в найденном в 1653 г. в Турнэ (Бельгия) захоронении короля Хильдерика – отца Хлодвига, фактического основателя единого франкского государства (см. вкладку, рис. 25). Изображения обнаруженных там ювелирных изделий, в том числе цикад, тиражировались по всей Европе. В общественном сознании цикады отождествились с королевской династией франков, став одной из ее узнаваемых эмблем. Теперь же произошло совмещение образов цикады и пчелы, гибрид которых – пчела со сложными крыльями – и вошел в окончательный вариант государственного герба при Наполеоне (см. вкладку, рис. 26). Эти изображения хорошо заметны на эфесе эрмитажной шпаги.

Рассматривая прочие анималистические символы, Государственный совет на заседании 12 июня проголосовал за галльского петуха в качестве центральной фигуры герба. Однако Наполеон волевым решением предпочел льва, и в течение недолгого времени этот образ мог восприниматься как ключевой в формирующейся имперской символике. Видимо, стремлением популяризовать эмблему в народе объяснялась, например, предпринятая в начале июля 1804 г. торжественная установка перед парижским Домом инвалидов трофейной фигуры льва, в минувшую войну снятой с венецианской площади святого Марка¹⁰. Весьма вероятно, что недооформленность новой символики сделала возможным помещение головы льва на набалдашнике коронационной шпаги и ее соседство с орлами на эфесе – притом, что орел был удачливым конкурентом

⁸ Санктпетербургские ведомости. – 1804. – 10 мая. – С. 1145.

⁹ Мемуары госпожи Ремюза. – С. 200.

¹⁰ Санктпетербургские ведомости. – 1804. – 22 июля (№ 59). – С. 1770–1771.

льва в борьбе за статус главного символа империи, и их одновременное присутствие в оформлении шпаги означало взаимоисключающие тенденции.

Уже спустя месяц, 10 июля 1804 г., Наполеон отказался от символа льва и санкционировал помещение в центре геральдического щита в окончательном варианте государственного герба римского одноглавого орла в лазурном поле, сжимающего в лапах ликторский пучок с молниями. Тем самым зримо подчеркивалась преемственность Бонапарта не только от Карла Великого, но и от римских цезарей. Попутно фигурой орла, по античному примеру, было решено украшать древки полковых знамен. Наполеон лично принял участие в пропаганде нового государственного символа, тем же летом 1804 г. проведя торжественное вручение «орлов» частям императорской армии.

После того, как герб империи был утвержден декретом от 21 мессидора XII года (10 июля 1804 г.), прерогативы геральдического и эмблематического применения двух основных государственных символов, орлов и пчел, закрепились лично за Наполеоном. Российский источник несколько позднее отмечал, например, что их использование может быть разрешено «не иначе, как с точного на то соизволения императора, а потому и не следуют вносимы быть в прожектируемые гербы»¹¹.

Пчелы еще раз возникли в жизни Наполеона уже во время его пребывания на острове Эльба. Как отмечал в мемуарах «Наполеон. Годы изгнания» Луи-Жозеф Маршан, император обратил особое внимание на герб острова, в котором оказались пчелы, и счел это благим предзнаменованием. Заметим, что в фамилии придворного живописца Андреа Аппиани также есть корень *arpi*, означающий по-итальянски «пчела».

Символическая программа шпаги Наполеона из собрания Лейхтенбергских позволяет четко локализовать этот предмет хронологически и связать его с конкретными историческими событиями – двумя коронационными торжествами 1805 г., запечатленными в полотнах известных придворных живописцев.

¹¹ Северная почта. – 1809. – 18 дек. (№ 14). – С. 3.